

УДК 271.2-76

UDC 271.2-762

ВЕРОУЧИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МЕССИАНСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРАВОСЛАВИИ

DOCTRINAL PREREQUISITES OF THE MESSIANIC SECURITY DIMENSION IN ORTHODOXY

А. В. Шерис,

*кандидат политических наук,
заместитель директора научно-
производственного общества с ограниченной
ответственностью «ОКБ ТСП»*

A. Sheris,

*Deputy Director, Candidate
of Political Sciences, Scientific
Production Limited Liability Company
«OKB TSP»*

Поступила в редакцию 23.10.2024.

Received on 23.10.2024.

В статье рассматривается проблема безопасности личности, общества, государства сквозь призму православного вероучения. Дан анализ некоторых работ западных исследований связи проблемы безопасности с христианством, на основании которого можно говорить о так называемом «мессианском повороте» в секулярной политической мысли Запада. Обозначены религиозные истоки ключевых новоевропейских политических концептов: «нация», «суверенное государство», «христианская этика». Показано, что основное отличие, которое задается религиозным пониманием безопасности, состоит в том, что религия разворачивает это понимание безопасности в мессианской перспективе. Сделан вывод о необходимости постоянного внимания к проблеме безопасности и возможности выработки ее принципиально новых стратегий и форм.

Ключевые слова: безопасность, общественно-политическая безопасность, православие, христианство, мессианская перспектива, религиозные истоки, амбивалентность мотивации.

The article considers the problem of security of the individual, society and the state through the prism of Orthodox doctrine. The analysis of some Western studies on the connection between the problem of security and Christianity is given. On its basis we can talk about the so-called 'Messianic turn' in the secular political thought of the West. The religious origins of key new European political concepts 'nation', 'sovereign state', 'Christian ethics' are outlined. It is shown that the main difference set by the religious understanding of security is that religion unfolds this understanding of security in a messianic perspective. The conclusion about the need for constant attention to the problem of security and the possibility of developing its fundamentally new strategies and forms is made.

Keywords: security, socio-political security, Orthodoxy, Christianity, messianic perspective, religious origins, ambivalence of motivation.

Введение. Проблема безопасности и ее концептуальных предпосылок в православии может рассматриваться с учетом нескольких ключевых оговорок. Во-первых, экспликация этой проблемы как богословской в православии фактически отсутствует. Это же верно и в отношении концептуализации представлений о безопасности в рамках христианского мировоззрения, определяющего приоритеты земной жизни, исходя из трансцендентных целей («с точки зрения вечности»). Среди таких актуальных приоритетов при определенных условиях могут оказаться и интересы безопасности, которые сами по себе не занимают устойчивой статусной позиции в иерархии православных ценностей, подобно ценности духовного преображения личности или моральным ценностям. Вследствие этой мировоззренческой

особенности в современном православном богословии, как и в православном дискурсе вообще, проблема безопасности рассматривается по определенным конкретным персональным, социальным или идеологическим поводам, например, в связи с необходимостью выработки особого отношения к трудностям предельно критического характера (персональной болезни, смерти и т. п.) [1]; опасностью распространения инородных религий, неокультов и сект; в связи с идеологическим мотивом православного обоснования деятельности по обеспечению национальной безопасности [2] и т. п.

Во-вторых, проблема безопасности в православии должна рассматриваться с учетом различия и взаимосвязи духовной и светской безопасности. Так называемая «духовная безопасность», представляющая собой в пре-

деле состояние защищенности православного видения и миссии, а также соответствующих духовных способов их реализации, имеет приоритетное значение в отношении светской безопасности. Понимание светской безопасности как защищенности земных («посюсторонних») ценностей может значительно варьироваться в своих объектах, целях и методах, поскольку ценность всего земного должна определяться, прежде всего, исходя из духовных приоритетов.

В-третьих, раскрывая проблему безопасности в православии, важно представлять, что в данном случае мы имеем дело с двумя основными разнородными истоками, исходя из которых данная проблема может быть поставлена: 1) с православным богословием (и шире – православным концептуальным видением), имеющим многовековую оригинальную историю развития; 2) проблемой безопасности как развернутой общественно-политической (а сегодня – и персональной) проблемой новоевропейских обществ. Православие и христианство вообще непосредственно не генерировали проблему безопасности. В лучшем случае можно говорить об опосредованном участии христианского богословия (причем его западной ветви) в качестве концептуального условия для появления проблемы общественно-политической безопасности, например, через «расколдовывание» базовых политических концептов, таких как «государство». Это обстоятельство, по сути дела, приближает содержание православного концептуального видения проблемы безопасности к задаче реконструкции возможных, т. е. потенциально присутствующих в православии, концептуальных моделей безопасности, в том числе и национальной безопасности.

В-четвертых, авторская позиция и теоретические выводы, содержащиеся в данной статье, рассчитаны прежде всего на восприятие, понимание и поддержку людьми верующими или, по меньшей мере, внутренне разделяющими христианские ценности.

Основная часть. Следует отметить, что указанная здесь генеалогическая связь проблемы безопасности с христианством уже сама по себе может быть полезна с точки зрения ответа на вопрос о возможных трактовках безопасности в современном христианском (и, в частности, православном) богословии. В порядке более детальной иллюстрации можно привести аргументы, использованные Дж. Шани для демон-

страции условий, которые привели к связи религии и безопасности. Он указывает на то, что в христианской религии присутствуют ключевые идеи трех базовых концепций, которые имели цивилизационное значение для формирования в западных обществах прав на безопасность и свободу. Эти три концепции – «нация», «суверенное государство» и «христианская этика».

1. Идея нации неявно содержится уже в еврейской идее «богоизбранного народа», которая была преобразована христианством в идею духовно единого сообщества, воспроизводимого посредством таинства евхаристии, а затем, будучи оторвана от своего религиозного истока, превратилась в новоевропейскую концепцию политической нации.

2. Понятие государства, согласно К. Шмитту, является секуляризованным богословским понятием, в особенности в связи с понятием суверенитета. К. Шмитт, как известно, опирался на концепцию Т. Гоббса о государстве как Левиафане, т. е. «смертном Боге». Только этот «смертный Бог», персонифицированный в правителе, способен обеспечить подданных защитой под «Бессмертным Богом» в обмен на свободу.

3. Наконец, развитие новоевропейских капиталистических обществ, как указывал М. Вебер, нельзя понять без ссылки на протестантскую трудовую этику, а в конечном итоге, на концепцию христианского обращения [3, с. 311].

Указанные религиозные истоки ключевых новоевропейских политических концептов, возможно, объясняют трудности включения религиозной тематики в привычные концептуальные рамки общественных наук, поскольку эти рамки сами по себе являются секуляризованными теологическими рамками. Тем не менее Дж. Шани полагает, что «безопасность человека» может стать «мощной глобальной этикой за счет взаимодействия с множеством религиозно-культурных контекстов, в которые заложено человеческое достоинство» [3, с. 309]. Это «открывает возможность концептуализации “безопасности” с множества культурно информированных точек зрения, одной из которых является космополитическая либеральная традиция. Это влечет за собой локализацию импульса современных западных попыток освободить людей повсюду от страха и бедности не в универсальных правах на безопасность и свободу, а в “цивилизаторской миссии” христианской традиции» [3, с. 309].

Дж. Шани, таким образом, подкрепляет методологически важную мысль о том, что религии могут рассматриваться не просто в качестве особых участников проблематизации безопасности в космополитическом контексте или критиков либерального космополитизма, а в качестве продуктивного источника видения и разрешения проблем безопасности. Дж. Шани видит в религии не только мировоззренческий фон или критический потенциал в отношении понимания безопасности, а, как он сам выражается, «форму безопасности» [3, с. 311]. Само по себе такое определение является достаточно сильным тезисом, поскольку оказывается, что религия способна, в конечном счете, задавать структурные конфигурации не только концептуализации безопасности, но и возможных способов ее обеспечения, по крайней мере, имеющих стратегическое значение. Основное же отличие, которое задается религиозным пониманием безопасности, состоит в том, что религия разворачивает это понимание в *мессианской перспективе*.

Современные западные исследования безопасности все больше сосредотачиваются на связях между проблемами безопасности и политическим богословием [3–13]. Этот интерес вызван мотивом критического пересмотра существующих подходов к обеспечению безопасности и связанными с ним двумя главными обстоятельствами: явным несовершенством существующих способов институционального обеспечения безопасности (вызывающих новые риски, опасности), а также недостаточностью сложившихся секулярных (в основном, политических и персоналистских) концептуализаций безопасности. Если секуляризацию трактовать не как отказ от богословских понятий, а как их перенос в новые области с сохранением логики их применения, исследование богословских истоков базовых принципов, рациональности и механизмов обеспечения безопасности позволяет более эффективно проблематизировать и трансформировать существующие стратегии безопасности. С другой стороны, учитывая тенденцию постсекуляризации – возвращения религии в политическое поле – нельзя не отметить, что требование новых критических подходов к осмыслению безопасности предъявляет также требование модернизации подходов к осмыслению безопасности в рамках самих религий.

Сегодня можно говорить о так называемом «мессианском повороте» в секулярной

политической мысли. Этот поворот связан, главным образом, с переосмыслением «Левинафана» Т. Гоббса, работами В. Беньямина, Ж. Деррида, Дж. Агамбена и др. [4; 5]. Особенностью этого мессианского поворота является не только аналитически реализованное стремление осмыслить секулярные общественно-политические механизмы с использованием логики теологических и религиозных концептов. В этом проявляется попытка вообразить радикально иную общественно-политическую реальность, что, в свою очередь, помогло бы изменить существующий порядок вещей. Среди подобных политических штудий, казалось бы, далеких от вопросов безопасности, просматривается перспектива мессианского измерения проблемы безопасности. Предваряя важный вывод, сразу нужно отметить, что мессианский подход не отказывается от безопасности, сохраняя ее как требование, и в то же время утверждает невозможность его выполнения институтами, которые традиционно на это претендуют. Можно даже говорить о том, что с этой точки зрения требование государства обеспечить безопасность становится эффективным средством его отмены. Этот важный парадокс необходимо здесь специально зафиксировать, поскольку именно в нем состоит нерв мессианского подхода. Станным образом, как мы увидим далее, мессианский дискурс утверждает и требует безопасности именно потому, что знает, что ее достижение существующими устройствами невозможно, о чем свидетельствует вся известная история человечества. Это, в конечном счете, переориентирует исследования безопасности в сторону большего понимания самой безопасности как желательного блага и отделения этого блага от структур и институтов, которые претендуют на ее законное обеспечение.

Более того, несмотря на то что речь идет о мессианском подходе к безопасности в рамках пересмотра исследовательских секулярных подходов, сходное отношение к безопасности в мессианской перспективе, как представляется, содержат религиозные традиции, и православие в том числе, что и подлежит обоснованию в тексте, следующем ниже. Однако прежде уточним, что имеется в виду под мессианской перспективой.

Мессианизм как установка, присутствующая, в частности, в авраамических религиях – «религиозное учение о грядущем пришествии в мир божьего посланца – мессии, призванного установить справедливость,

мир, покой на земле (от древнеевр. машиах – «помазанник», араб. «масих» – помазанник)» [14, с. 209]. В христианстве мессианизм – ожидание второго пришествия мессии – Иисуса Христа – тесно связано с эсхатологией – учением о конце мира, грядущей в последние времена битвой с дьяволом, Страшным Судом и возвращением к вечности в Боге. Для христианского мессианизма как духовной установки важным является понимание его как вселенского события, напряженное ожидание которого формирует мотивацию к земной, теперешней деятельности как необходимому этапу духовного пути и в персональном, и в социальном измерении. Само это вселенское событие можно интерпретировать как всеобщий теозис, который упразднит земное, существующее положение дел и переведет все в радикально новое состояние слияния с Богом. Однако эта перспектива трансцендентного, потустороннего существования, к которому движется состояние нынешнее, может вести к различным интерпретациям, оценкам и деятельностным стратегиям. Все они, так или иначе, сходятся в том, что: 1) земное положение дел конечно и условно; 2) новое состояние является радикально иным и запредельным; 3) к наступлению этого нового состояния необходимо вести постоянную духовную подготовку; 4) не существует универсальных рецептов персонального и всеобщего теозиса; существенное значение имеет само различие прежнего, земного и нового, желаемого состояния с приоритетом духовной сверхцели обожения.

Следует заметить, что мессианизм способен порождать миссианизм, основанный на религиозной (духовной) исключительности субъектов (личностей или сообществ), мыслящих себя в авангарде осуществления духовного предназначения. Вследствие этого вселенский мессианизм может превращаться в миссианизм персональный и коллективный (например, национальный, этнический), несущий опасность подмены духовных целей земными, в том числе общественно-политическими [15]. Ярким примером тому служит «мессианство США».

Указанные особенности мессианизма, во-первых, требуют взвешенного подхода к оценке его роли в условиях обострения проблем духовного состояния общества, когда гигантский скачок в развитии технологий значительно превзошел прогрессивные изменения или обнажил их отсутствие в чело-

веческой нравственности; во-вторых, позволяют нам рассмотреть безопасность в христианской мессианской перспективе. Строго говоря, предельная цель безопасности совпадает с конечной целью христианского духовного пути – теозисом – трансцендентной целью, которая достигается посредством действия Божественной благодати. Бог в этом смысле является предельным объектом, субъектом и средством безопасности.

Поскольку человек лишь отвечает на божественный зов, он не может знать, достижима ли эта цель, что, в свою очередь, вызывает неопределенность в средствах: нельзя сказать наверняка, какие из указанных самим Богом или установленных Церковью средств являются исключительно эффективными при тех или иных условиях. Однако сам факт необходимости ответа Богу обуславливает принципиальную необходимость человеческой духовной активности, что помещает проблему безопасности в *иерархическую полярность божественного и человеческого участия*. Человеческая активность, несмотря на то что она не снимает неопределенности достижения абсолютной безопасности в силу неизвестности божественного предопределения, тем не менее усиливает напряженность духовной активности человека.

Нет безопасности на земле без примирения с небом, говорит Московский митрополит Филарет, указывая этим на необходимость нравственного исправления христиан [16, с. 103]. В отношении земной, т. е. персональной или общественной безопасности, трансцендентность цели абсолютной безопасности задает изначальную неполноту и относительность, а также эффект присутствия постоянной опасности и незащищенности, по крайней мере, потенциальной. Это обстоятельство приводит, с одной стороны, к пониманию того, что безопасность как таковая недостижима, а с другой – к необходимости постоянной активности по устранению возможной опасности и незащищенности.

Заключение. Таким образом, персональная и общественная безопасность погружаются в контекст *амбивалентной мотивации*, требующей постоянного приложения специальных усилий для устранения небезопасности, которая не может быть ликвидирована. Эти усилия, в свою очередь, могут пониматься как контекстуальное и ситуативное использование и духовных, и мирских средств, при том что вторые должны быть приведены

в соответствие с первыми. Указанные выше полярность божественного и человеческого участия, амбивалентность мотивации и рождаемое ими субъективное напряжение задают те субъектные условия, в которых возможна реализация безопасности в мессианской перспективе. Можно предположить, что эта перспектива способна порождать постоянное внимание к безопасности и открывать возможность для изменения привычных стратегий и способов ее обеспечения.

Вместе с тем мессианизм в искаженной интерпретации под воздействием общественно-политических и групповых целей может нести в себе опасность, когда, опираясь на якобы божественное предопределение, этноконфессиональные интересы одной части общества вступают в противоречие или начинают давить над интересами другой. Учитывать данное обстоятельство в современных условиях – значит упредить многие возможные негативные процессы в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Христианство – не безопасность, а готовность к опасности / Протоиерей Кирилл Краснощеков, беседовала Марина Бирюкова // Православие.ru. – 20.03.2019. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/120050.html> (дата обращения: 17.03.2021).
2. Радаев, В. А. Вклад русской православной церкви в духовную безопасность страны / В. А. Радаев // Перспективы. – 31.01.2007. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36330> (дата обращения 18.02.2020).
3. Shani, Giorgio. Religion as Security: an Introduction / G. Shani // Critical Studies on Security. – 2016. – Volume 4. – P. 307–311.
4. Prozorov, Sergei. Like a Thief in the Night: Agamben, Hobbes and the Messianic Transvaluation of Security / S. Prozorov // HELDA. Digital Repository of the University of Helsinki. – 2017. – URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/231199/Prozorov_Like_a_Thief_in_the_Nightdocx.pdf (date of access: 12.05.2021).
5. Prozorov, Sergei. The Katechon in the Age of Biopolitical Nihilism / S. Prozorov // Continental Philosophy Review. – 2012. – Vol. 45 (4). – P. 483–503.
6. Bates, David. The Political Theology of Entropy: A Katechon for the Cybernetic Age / D. Bates // History of the Human Sciences. – 2020. – Vol. 33(1). – P. 109–127.
7. Debrix, Francois. Katechontic Sovereignty: Security Politics and the Overcoming of Time / Fr. Debrix // International Political Sociology. – 2015. – Vol. 9. – P. 143–157.
8. Esposito, Roberto. Bios: Biopolitics and Philosophy / Roberto Esposito. – Minneapolis, MN : University of Minnesota Press. – 2008. – 230 p.
9. Esposito, Roberto. Two: The Machine of Political Theology and the Place of Thought / trans. Zakiya Hanafi. – New York : Fordham University Press, 2015. – 248 p.
10. Lamb, Melayna and Primera, German E. Sovereignty between the Katechon and the Eschaton :Rethinking the Leviathan / M. Lamb and G.E. Primera // Telos: Critical Theory of the Contemporary. – 2019. – Vol. 187. – P. 107–127.
11. Palaver, Wolfgang. Hobbes and the Katéchon: The Secularization of Sacrificial Christianity / W. Palaver // Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture. – 1995. – Vol. 2 (1). – P. 57–74.

REFERENCES

1. Hristianstvo – ne bezopasnost', a gotovnost' k opasnosti / Protoierej Kirill Krasnoshchekov, besedovala Marina Biryukova // Pravoslavie.ru. – 20.03.2019. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/120050.html> (data obrashcheniya: 17.03.2021).
2. Radaev, V. A. Vklad russkoj pravoslavnoj cerkvi v duhovnuyu bezopasnost' strany / V. A. Radaev // Perspektivy. – 31.01.2007. – URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36330> (data obrashcheniya 18.02.2020).
3. Shani, Giorgio. Religion as Security: an Introduction / G. Shani // Critical Studies on Security. – 2016. – Volume 4. – P. 307–311.
4. Prozorov, Sergei. Like a Thief in the Night: Agamben, Hobbes and the Messianic Transvaluation of Security / S. Prozorov // HELDA. Digital Repository of the University of Helsinki. – 2017. – URL: https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/231199/Prozorov_Like_a_Thief_in_the_Nightdocx.pdf (date of access: 12.05.2021).
5. Prozorov, Sergei. The Katechon in the Age of Biopolitical Nihilism / S. Prozorov // Continental Philosophy Review. – 2012. – Vol. 45 (4). – P. 483–503.
6. Bates, David. The Political Theology of Entropy: A Katechon for the Cybernetic Age / D. Bates // History of the Human Sciences. – 2020. – Vol. 33(1). – P. 109–127.
7. Debrix, Francois. Katechontic Sovereignty: Security Politics and the Overcoming of Time / Fr. Debrix // International Political Sociology. – 2015. – Vol. 9. – P. 143–157.
8. Esposito, Roberto. Bios: Biopolitics and Philosophy / Roberto Esposito. – Minneapolis, MN : University of Minnesota Press. – 2008. – 230 p.
9. Esposito, Roberto. Two: The Machine of Political Theology and the Place of Thought / trans. Zakiya Hanafi. – New York : Fordham University Press, 2015. – 248 p.
10. Lamb, Melayna and Primera, German E. Sovereignty between the Katechon and the Eschaton :Rethinking the Leviathan / M. Lamb and G.E. Primera // Telos: Critical Theory of the Contemporary. – 2019. – Vol. 187. – P. 107–127.
11. Palaver, Wolfgang. Hobbes and the Katéchon: The Secularization of Sacrificial Christianity / W. Palaver // Contagion: Journal of Violence, Mimesis, and Culture. – 1995. – Vol. 2 (1). – P. 57–74.

12. Агамбен, Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма / пер. с итал. С. Ермакова. – М. : Владимир Даль, 2021. – 190 с.
13. Агамбен, Дж. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам / пер. с итал. С. Ермакова. – М. : Новое литературное обозрение, 2018. – 224 с.
14. Религиоведение : учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. И. Н. Яблокова. – М. : Гардарики, 2000. – 536 с.
15. Трубецкой, Е. Н. Старый и новый национальный мессианизм / Е. Н. Трубецкой // Русская мысль. – Год тридцать третий, кн. III. – М., 1912. – С. 82–102.
16. Митрополит Филарет (Вахромеев). Люди веры и вера людей : духовно-просветительское издание / Митрополит Филарет (Вахромеев). – Минск : Свято-Елисаветинский женский монастырь, 2015. – 510 с.
12. Agamben, Dzh. Stasis. Grazhdanskaya vojna kak politicheskaya paradigma / per. s ital. S. Ermakova. – M. : Vladimir Dal', 2021. – 190 s.
13. Agamben, Dzh. Ostavsheesya vremya: Kommentarij k Poslaniyu k Rimlyanam / per. s ital. S. Ermakova. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. – 224 s.
14. Religiovedenie : uchebnoe posobie i uchebnyj slovar'-minimum po religiovedeniyu / pod red. I. N. Yablokova. – M. : Gardariki, 2000. – 536 s.
15. Trubeckoj, E. N. Staryj i novyj nacional'nyj messianizm / E. N. Trubeckoj // Russkaya mysl'. – God tridcat' tretij, kn. III. – M., 1912. – S. 82–102.
16. Mitropolit Filaret (Vahromeev). Lyudi very i vera lyudej : duhovno-prosvetitel'skoe izdanie / Mitropolit Filaret (Vahromeev). – Minsk : Svyato-Elisavetinskij zhenskij monastyr', 2015. – 510 s.